

Знаменитый сценарист, редактор, многолетняя соратница и супруга Алексея Германа отметила 9 марта день рождения. Наш корреспондент позвонил с поздравлениями и расспросил Светлану Игоревну о состоянии дел на «Ленфильме», о перспективах российского кино и о том, как ей живется без Алексея Юрьевича.

На «Ленфильме» Светлана Игоревна вникает во все — от сценария до декораций.

Фото Натальи ЧАЙКИ

Светлана КАРМАЛИТА:

Будем жить как при Алеше

СЦЕНАРИЕВ МНОГО, ВЫБИРАЕМ ХОРОШИЕ

— Светлана Игоревна, вы, как главный редактор «Ленфильма», сейчас занимаетесь сценариями...

— Да, причем учителя у меня были переклассные — Леша работал в «Первом творческом объединении», где главным редактором была Фрижетта Гургеновна Гукасян. И когда полтора года назад я стала главным редактором, она меня наставляла. Задача, которая стоит передо мной и Нелли Арджакоевой, многолетним замечательным редактором «Ленфильма», — прочитать огромное количество страниц текста. И еще в том, чтобы вокруг «Ленфильма» собрались хорошие авторы.

Существуют очень серьезные проекты, реализация которых абсолютно возможна. Кроме того, есть проекты художественные и документальные вне «Ленфильма», но с ним тесно связанные: в Дагестане, в Ингушетии, в Тыве.

— А вот многие кинематографисты жалуются, что хороших сценаристов мало.

— У каждого продюсера существует своя причина так говорить. Часто она касается самоцензуры.

Вот у нас на «Ленфильме» Саша Петров — полярик, не кинематографист — снял полнометражную игровую картину, к Северу никакого отношения не имеющую. Кроме того, как только стало известно, что отечественное начальство начало интересоваться историей, на нас обрушилось огромное количество заявок и сценариев. В постановке они очень дорогие. Мы их обсуждаем, и они пока лежат — но вдруг у государства появятся немеренные деньги на кино? Или частные лица начнут спонсировать? Поэтому я не могу сказать, что сценариев мало, — надо читать, отбирать хорошие...

— Вы видели последние российские премьеры? Какое у вас ощущение? Как вообще меняется русское кино?

— Я мало слежу за тем, что сейчас снимают. В последнее время я занималась телевизионными проектами. Знаю, что делает среднее поколение, сверстники сына. Что же касается поколения молодого — тут я представляю себе ситуацию хуже. Полагаюсь на мнения советчиков.

— А вместе с сыном не думали поработать?

— Нет, конечно же. Леша — абсолютно самостоятельный художник. Он сам пишет

сценарии не только не хуже — но, думаю, и лучше, чем мы писали.

Он может дать мне прочитать вариант сценария, показать смонтированный материал. А я не редактирую ничего, не пишу... Тем более что я вообще перестала писать — после того как Алексея Юрьевича не стало.

САМ ФАКТ ИСКУССТВА ДОВОДИЛ НАЧАЛЬСТВО ДО БЕШЕНСТВА

— Год назад была премьера «Трудно быть богом». Вы сказали в одном из разговоров, что все фильмы Алексея Юрьевича сперва непонятны, потом становятся яснее. Как по-вашему — сейчас уже эта картина стала понятнее?

— Вы знаете, нет. Еще в самой первой картине, на которой я была, «Проверка на дорогах», Леша никак не мог смонтировать сцену на двоих. Когда Ролан Быков говорит — камера показывает его. Отвечает Владик Заманский — показывает его. Я не понимала: в чем проблема?

Если зритель, смотря первую половину фильма «Трудно быть богом», начинает тоже вживаться в эту жизнь, — то он смотрит картину уже до конца. Если же ему тяжело следить за огромным количеством людей, за непонятно чьими репликами, неприятно само изображение — ему делается неинтересно.

Пока Леша не начал монтировать совершенно по-другому. В кадре был не тот, кто говорит, а тот, кто слушает. Таким образом, зритель получал полное представление, что происходит. Но добавлялось эмоциональное восприятие другого собеседника. И монтаж становился более объемным и интересным.

И практически в каждой картине происходило нарастание вот этих изменений. Сам этот киноязык был непривычен. И в нем углядели что-то другое. Как говорил Ролан Быков, «сам факт искусства доводил тогдашнее начальство до бешенства».

Что касается «Трудно быть богом» — здесь Леша нарушил основной закон кинематографа. Мы все в школе учили, что каждое художественное произведение состоит из завязки, кульминации и развязки. В «Трудно быть богом» завязка длится полтора часа. В первых, Леша, как всегда, создавал мир вокруг героев. А Арканар надо было придумы-

вать заново, создавать вручную. Во-вторых, Румате, нашему герою, по фильму долго вообще нечего было делать. Так было в повести у Стругацких. В конце концов он понимает, что как историк ошибся — проглядел приход черного ордена. Но до этого двадцать лет он живет на этой планете. Она стала его домом. И если зритель, смотря первую половину фильма, начинает тоже вживаться в эту жизнь, — то он смотрит картину уже до конца. Если же ему тяжело следить за огромным количеством людей, за непонятно чьими репликами, неприятно само изображение — ему делается неинтересно.

— А вам не кажется, что происходит какая-то историческая рифмовка — между теми ужасными вещами, которые мы видим в фильме, и нашей трагической реальностью? Особенно хочется вас про это спросить, потому что Киев — ваш родной город, а в Крыму вы познакомились с Алексеем Юрьевичем...

— Украинские события наложили отпечаток на всю нашу жизнь. Мы ночью вскакиваем и включаем телевизор, чтобы узнать, что же там происходит. И одновременно смотреть на это невозможно. И у нас, и у них я вижу профессиональную липу и подтасовки.

Но это совершенно не значит, что беда огромного количества людей от этого стала меньше. С моей точки зрения — это огромная трагедия Украины. Долгое время я не подписывала письма ни справа, ни слева — ни полосатых, ни клетчатых — никаких. Все дело в том, что у интеллигенции — а в нашей семье это очень уважаемое слово — всегда было нежелание, чтоб заподозрили в любви к власти. Интеллигенция и власть — это вещи с противоположными знаками. Я долго молчала. Но когда выступала сейчас в парижской Синематеке — я подумала: да черт побери, в конце концов! Почему я должна молчать, хорошо зная трагическую историю Украины, ее оккупации, присоединения западных областей?

Да, я обрадовалась, когда присоединили Крым. Что совершенно не значит, будто я не понимаю тех моих близких, которые считают это аннексией. Потому что это — друзья, замечательные режиссеры. Один Рома Балаян чего стоит! Кира Муратова... Как можно подумать, что они прогнулись перед украинской властью?

Как и те друзья, которые подписали большое письмо, приветствующее присоединение Крыма. Я не могу и их заподозрить в любви к власти.

НЕ НАДО ЦЕРКВИ ВМЕШИВАТЬСЯ В ИСКУССТВО

— Сейчас в России некоторое истерическое, взвинченное настроение. Взять хотя бы эту историю с «Тангейзером» и православной церковью...

— Думают, что православие должно сплотить огромную страну. А чего же оно не сплотило страну в 1917-м? Чего ж снимали с себя кресты? Сейчас пошло в обратную сторону: кресты надевают.

Я крещеная, православная. Но какое право церковь имеет вмешиваться в искусство? Если она продолжит — ничего, кроме вреда, стране это не принесет.

— Расскажите, а что за ситуация с премией «Золотой орел», с вашим отказом от участия фильма «Трудно быть богом» в конкурсе?

— У нас с «Золотым орлом» сложились свои отношения. Они знали, что мы никогда не принимаем участия в их конкурсе. Была договоренность, которая всех устраивала. И вдруг, когда Алеше не стало, они решили выставить картину на конкурс. Но мы, естественно, не могли этого позволить. Мы-то еще живы. И давайте как при Алеше жили — и дальше будем жить. Мы отказались. И они мгновенно нас поняли. Никаких истерик и скандалов.

— Вы сейчас сказали: «как при Алеше жили». А в остальном вы тоже стараетесь так же жить — как при нем?

— Изменился род моей деятельности. Когда-то Алексей Юрьевич придумал, а я помогла ему создавать «Студию первого и экспериментального фильма». Это в девяностые, когда кино вообще не снималось. А наша студия сняла двенадцать картин. Оттуда вышли Леша Балабанов и другие известные режиссеры. Там существовала школа, в которой мы вместе преподавали. Сейчас эта киностудия называется «Север». Я надеюсь, что мой сын Леша возьмет на себя там главенствующую роль. Или, например, перед Новым годом я прилетела из Дагестана — была там по приглашению для работы над большим проектом. Вообще за два месяца у меня было одиннадцать перелетов и три поезда. Это помимо постоянной работы.

А что еще? Убирается ли квартира? Убирается. Готовится ли обед? Готовится. Внимательно ли я слежу за своими мыслями и поступками? Как было, так и есть.

Просто Алеше нет. Но вот это уже мы с вами обсуждать не будем.

Беседовал Федор ДУБШАН